

В ОДНОМ ИЗ ПОСЛЕДНИХ НОМЕРОВ НАША ГАЗЕТА СООБЩАЛА О ТОМ, ЧТО ЕВПАТОРИЙСКИЙ ПОЭТ НИКОЛАЙ СТОЛИЦЫН СТАЛ ПОБЕДИТЕЛЕМ ЛИТЕРАТУРНОГО КОНКУРСА ПЕРВОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ГРИНОВСКОГО ФЕСТИВАЛЯ, КОТОРЫЙ ПРОШЕЛ ЭТИМ ЛЕТОМ В ОДЕССЕ. С ПОЭТОМ, В ЧЬЕМ ТВОРЧЕСТВЕ НЕ ПОСЛЕДНЕЕ МЕСТО ЗАНИМАЕТ ТЕМА ДЕТСТВА, МЫ ПОБЕСЕДОВАЛИ О ГРИНЕ, РОЛИ СКАЗКИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ И НОВИЗНЕ ТВОРЧЕСКОГО ВОСПРИЯТИЯ МИРА.

НИКОЛАЙ СТОЛИЦЫН: «ВОСТОРГ ЗАРАЗЕН ТАК ЖЕ, КАК И ОТВРАЩЕНИЕ»

- Николай Геннадьевич, а каким было ваше детство, детство человека, написавшего немало произведений об этой поре человеческой жизни?

- У меня детство было сомнамбулическое. Я на полутонах существовал. Каких-то ярких впечатлений у меня не было, все было внутри. Я был человек, вычлененный из мира, и находился на периферии всегда. И слишком рано повзрослел. И теперь проживаю это детство по новой. И мне нравится это делать.

- Современные сказки, по-вашему, отличаются от своих жанровых прабабушек?

- К примеру, любовь к ближнему в русских сказках - есть, доброта - есть, понимание - есть. Но они ненавязчиво присутствуют в них, находятся под спудом. Сами герои не рефлектируют на эти темы, они просто совершают поступки и действия. Вот что хорошо было, что и учило ребенка, на мой взгляд. А сейчас сказки-то о чем? «Я люблю тебя, драгоценный ты мой!» - «А я не люблю тебя». «А вот это добрый человек!» - «А это злой человек! Нет, это, наверное, очень добрый человек!». А раньше? Герой совершал некие поступки, и ребенок мог определить для себя, понять, нравится ему этот человек или нет.

- Хорошо. Тогда чем отличается Ассоль от Гарри Поттера?

- Тем, что Ассоль изменялась, она взрослела. И мы видим, как она взрослеет. И мы взрослеем вместе с нею. Сказка позволяла мне, ребенку, повзрослеть, преодолеть что-то в себе, вот это самое детство. И ощутить себя взрослым человеком, ответственным за что-то. Ответственным!.. И - Гарри Поттер: он не меняется, он один и тот же. Все те же очки, все те же приятели, все то же отсутствие рефлексии, все то же отсутствие действия (по большому счету)...

- То есть белка в колесе?

- Ну да. Вот Роуминг и выдумывает всякие фокусы. Ни один из сюжетов нельзя вспомнить. А Ассоль: раз - и она перед глазами. А Гарри Поттер - ведь нечего вспомнить. Вспоминаются очки, его приятельница, какое-то волшебство - опять же, вы ни одно из заклинаний не вспомните... Мультфильм «Юность Ратибора». Мальчонка ножным мечом лошадку стругает. Порезался случайно: «Ай, больно!». И взрослый человек, который с ним рядом находится, говорит: «Вот! Ты почувствовал, что такое больно. И теперь без нужды ты не станешь причинять боль другому». Так вот: только последний малахольный, пройдя через то, через что прошел Грин, не полюбит человека тонко, страшною любовью. Глубинною. Когда он

поймет, что он смертен, и этот смертен человек, и этот, и этот, и этот... Когда он поймет, что такое холод, что такое голод, кусок хлеба, - он поделится им. Правда, один поделится, другой - нет. Но литературу в Советском Союзе делали те, кто делился куском хлеба. И они писали сказки. И относились к детям не как к детям, а как - к людям. Например, Аркадий Гайдар. Потрясающий писатель, - через что он прошел, для того чтобы написать «Чук и Гек» или «Голубую чашку»?.. Николай Носов. Александр Грин. Владислав Крапивин - кстати, через что он проходил в Советском Союзе для того, чтобы утвердить и свою литературу, и свои клубы.

- Чего вы ожидаете от себя в будущем?

- А вот это интересный вопрос. Я скажу, в чем мое отличие от всех остальных. Личный сюжетных как таковых у меня нет, разве что в отдельных произведениях, и то они очень странные, что не понять: действительно ли это сюжет. Фабулы простые, чаще всего заемные. У меня не так много своего, действительно своего, выдуманного мною, выстраданного. Но у меня есть одно прекрасное качество: я изучаю мир. Я пишу рассказ «Длинный-предлинный», и, когда мальчик у меня просыпается в Севастополе, я как автор еще не знаю, что будет дальше. И я натякаюсь на отдельные предметы, натякаюсь на кота, скажем. И я изучаю кота, мне интересно, как он зевает, как он потягивается. Этот мир не открыт мною. Я открываю мир для себя через детали какие-то.

Или, например, липа. Это - дерево. Столько-то лет растет, такого-то качества древесины, такой-то высоты. Можно использовать так-то и так-то. И что? А для меня это не просто липа. Это моя липа, я ее изучаю, она другая. И кора у нее другая, и она теплее, чем та, что рядом. Может, она ко мне иначе относится?.. Вот это и есть сказка. А в «Гарри Поттере» таких, явственных, деталей вы не найдете. А у Грина это есть. И его море - это его море. И когда вы плачете над страницами Грина, то это не только ваши слезы, но и слезы Ассоль, других героев. Это и есть сказка. Хотя, думаю, можно и с позиции литературоведения решить эти вопросы, и разобраться, почему сказка была и почему сейчас ее нет. А если все-таки есть, то какого рода эта сказка.

- Но как бы мы ни силились объяснить предпосылки этого процесса, из рационально организованной схемы такого исследования, даже если оно окажется успешным, как, например, у Владимира Проппа, сказка не родится. Значит, необходим талант?

- Да. Талант - это же еще и талант, то есть судьба. Бесталанность - без судьбы, без дарования.

- То есть некая предопределенность свыше?

- Ну а почему нет?.. Нужно видеть мир иначе. Я написал более пятнадцати тысяч текстов. И мое сознание, для того чтобы не перегореть, отказалось от многого. И поэтому я всякий раз поднимаюсь утром и начинаю с чистого листа. Потом уже приходит ощущение, что это уже было у меня. Но главное, я начинаю с чистого листа. И этот чистый лист - он очаровывает.

- Специалисты отмечают, что в современной детской литературе прочно закрепилась атрибуты мира взрослых. Согласно ли вы с этим мнением? Если да, то с чем вы это связываете?

- Нет совести у людей. Люди бессовестными стали. Сейчас рублем длинным наказывают. А раньше человека наказывала собственная совесть. И люди стрелялись не из-за того, что они были должны кому-то. Они себе были должны, своему дарованию, своим наставникам, своим родителям. И еще: ведь дело даже не в том, что люди забыли, какими они были в детстве. Сейчас взрослых людей не осталось в литературе - инфантилизм от начала и до конца. Это пишут дети. Только у этих детей уже внуки-правнуки, бороды, соответствующие интонации. Но они - дети, они не отвечают за свои поступки. А почему раньше отвечали? А потому что жизнь была такая. Мальчик, который из-за школьной парты в сорок первом году отправлялся на фронт, чтоб в первой штыковой лечь, если он все-таки выживал, он иначе относился и к жизни, и к детям. И относился с трепетом, он видел в этом существе свое продолжение. И он будет ему о смерти рассказывать? Может, и будет, но - как? Прежде всего он будет чувствовать ответственность перед этим маленьким существом. И в этом не будет выхолащивания действительности. Действительность страшна подчас. А чем? Отношением людей к ней.

- Крупный английский искусствовед Джон Рескин утверждал, что развивать вкус в ребенке - то же самое, что формировать его характер. Вы тоже так считаете?

- Все правильно. Вкус к жизни, к познанию - с этого начинается любой человек.

Это не просто облака, это что-то упительное, это маленькие пушинки, как они летят. Этот ветер. А люди насколько интересны могут быть, если их показать правильно! И художник всего лишь показывает: посмотри, вот я вижу этот мир так. И если в человеке, который показывает, есть любовь к миру, увлеченность им, подлинная, которая отражается во всем его естестве, - ну как же маленькому человеку не заразиться этой любовью?.. Восторг заразен так же, как и отвращение. А сейчас люди отвращены от природы, друг от друга. Общение в Сети - ну какое это общение? А люди и вне сетки общаются так, как будто они в сети продолжают находиться. Общаешься с человеком, и возникает ощущение, что он с тобой через айсыкую разговаривает. И вот сейчас он не улыбнулся: это смайлик. И так далее.

- Тот же Рескин писал, что достоинство произведения искусства определяется нравственной чистотой и высотой выражаемого им настроения.

- Я бы проще сказал: нравственной высотой автора. Если он чистый человек, если он честный человек, о чем бы он ни писал, эта чистота будет проявляться в его произведениях. И в свою очередь будет очаровывать. Видимо, авторов сейчас не осталось.

- А вы?

- Я могу сказать, что я делаю новое. И новое не в том, что я выдумываю новых героев, а в том, что я начинаю с чистого листа. И в качестве резюме нашей беседы не могу не сказать пару слов о Крыме. Это потрясающее место, если говорить о нем с позиции литератора. Это удивительный конгломерат маленьких детских чудес. Это действительно ясли Бога. Здесь всего в меру: море, горы, степь - все есть для того, чтобы, увидев это, очароваться и писать об этом. Очарование есть - а поэтов нет. Нужны Чеховы свои, Грины, Волошины, которые будут жить здесь, и очарование от этого места будет наполнять их произведения, о чем бы они ни писали. Вот когда придут такие - вот тогда мы будем говорить о возрождении искусства. Это возможно. И именно в Крыму. Здесь атмосфера сама этого требует. Но их нет.

Беседовал Алексей ВАКУЛЕНКО
Фото Марии ЭГО